

Ван Сюань больше не позволял Гоуданю заглядывать в пространственный карман ради учебы.

— Давай пока повременим, — мягко настаивал он. — Холода стоят, лучше ложиться пораньше.

Развернув оставленные настоятелем храма тетради с записями, Ван Сюань вчитывался в неровные строки. Дойдя до одной из страниц, он наконец понял, почему его названный брат, в обычное время совершенно нормальный парень, от пары злых слов мгновенно терял самообладание, впадал в ярость и крушил всё вокруг.

«Оказывается, то, чему учится брат Гоудань — смертоносное искусство, требующее беспощадности, точности и быстроты, — размышлял Ван Сюань, с трудом разбирая записи. — Но чем сокрушительнее сила, тем крепче должен быть дух, иначе человек просто захлебнется в собственной жестокости. У Гоуданя огромный талант, он делает невероятные успехи, особенно в последнее время. Неудивительно, что его так тянет в драку и так легко подстрекнуть к насилию».

Ван Сюань тихо бубнил себе под нос, решив не говорить другу о своих выводах. Однако с того дня они, и без того дружные, сделались совершенно неразлучными. Ван Сюань твердо решил присматривать за братом и не подпускать его к таинственным знаниям, пока тот не укрепит основы и не обретет душевное равновесие.

— Раз уж мы решили укрепить основы, давай прямо сейчас и начнем, — подбадривал он Гоуданя. — Мне тоже нужно заново повторить азы, чтобы... как там говорится? Овладеть мастерством в совершенстве?

С тех пор Гоудань стал реже бегать на улицу со сверстниками. Соседские ребята то и дело заглядывали к нему, зазывая играть, но он соглашался от силы раз в пять. С наступлением морозов развлечений поубавилось, хотя детворе много не надо — обычная палка в их руках могла стать игрушкой на полдня. Когда в школе закончились зимние экзамены, Гоудань целыми днями валялся на теплой кан-печи. Ван Сюань уверял, что они сейчас растут, прямо как молодые деревца, а потому организму требуется много сил. Гоудань поверил на слово и предавался сладкой лени со спокойной совестью.

Младшая тетушка из семьи Ли все-таки вышла замуж. Характером она пошла в мать, старую госпожу Ли — упрямая и крикливая. Чтобы добиться своего, девица объявила голодовку. Но вместо того чтобы тихо чахнуть в углу, она устроила показательный бунт, разрезав о своей беде на всю деревню. В Сикани тут же пошли суды да пересуды: мол, семья Ли захапала такой богатый выкуп, а на приданое поскупилась. То ли у Старой госпожи Ли проснулась совесть под косыми взглядами соседей, то ли бесконечные уговоры подействовали, но она уступила. Как и обещала, выделила младшей дочери обещанные восемьдесят процентов от выкупа на обустройство новой жизни и выдала ее замуж до того, как выпал первый снег.

Ли Сы о свадьбе официально не предупредили. Конечно, в одной деревне такие новости не утаишь, но без приглашения соваться в чужой дом не принято. Ли Сы, однако, чувствовал неловкость. Посоветовавшись с сыном, он отнес родственникам немного зерна и вызвался

помочь с тяжелой работой по подготовке к торжеству. Вот только когда вся семья Ли уселась за праздничный стол, никто и рта не раскрыл, чтобы позвать его к обеду.

Лишь один из дальних родственников, тоже помогавший по хозяйству, заметил замявшегося мужчину и дружески потянул его к столу. Ли Сы растерялся, чувствуя себя лишним. В день свадьбы его так и не позвали, да и Гоуданю не перепало ни единой праздничной конфеты. Семья Ли шумно радовалась счастью: поговаривали, что жених ради такого случая раздобыл новенький блестящий велосипед, чтобы забрать невесту. Свадьба вышла на диво пышной и приличной.

Отец с сыном остались совершенно в стороне, будто и не родня вовсе. Никто и не подумал позвать их на пир. Ли Сы уныло пересчитывал зажатые в кулаке мелкие купюры, которые специально занял у соседей, чтобы положить в красный конверт для подарка. Но раз приглашения не последовало, идти наотрез отказался — заявляться незваным гостем на свадебный пир считалось позором.

Пусть они и были одной крови, но после раздела имущества жили разными домами. Без официального поклона и приглашения приходить не полагалось.

Даже когда молодая жена по обычаю вернулась на третий день навестить родителей, Ли Сы так и не дождался ни весточки. Старая госпожа Ли, похоже, напрочь вычеркнула его из своей жизни. Впрочем, зная ее нрав, оставалось лишь гадать, как скоро она позабудет обиду и явится с новыми требованиями.

Спустя несколько дней Ли Сы вернул долг двоюродному брату. Тот сочувственно похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе, ты же знаешь свою мать.

Все они выросли в одной деревне, и характер Ли Сы знали как облупленный. Двоюродный брат слышал, как старейшины рода заводили разговор о разделении семей. Старая госпожа Ли и остальные сыновья тогда твердо заявили, что знать не знают ветвь Ли Сы и родниться с ним больше не намерены.

Пока дело не доходило до вопросов жизни и смерти, старейшины клана предпочитали не лезть в чужие дразги. К тому же люди прагматичны: от Ли Сы толку никакого, из наследников — один Гоудань. Понятно, что соседи и родичи предпочитали водить дружбу со старшим дядей Ли Кая и его братьями, которые твердо стояли на ногах.

Для Гоуданя эта зима выдалась легкой. Наконец-то ему не пришлось кутаться в продуваемые всеми ветрами обноски или носить сшитую Ван Сюанем из лоскутов одежду, которая грела лишь наполовину. Подаренная теплая ватная куртка пришлась впору, да и штаны сидели отлично. Ночами, даже если для экономии дров кан протапливали лишь с вечера, под тяжелым армейским одеялом было тепло и уютно.

Даже Ли Сы, который обычно вскакивал с первыми петухами, порой засыпался допоздна. За всю свою жизнь он не помнил такой благодатной, теплой зимы.

Белая пелена укрыла землю, мир заиграл чистыми красками. Но зимнее оцепенение быстро сменилось предновогодней суетой: пришло время резать свиней.

Убойный визг разносился по всей округе, но люди вокруг лишь довольно улыбались — никому и в голову не приходило жалеть обреченную скотину. Крестьяне обступали жирных хряков, примериваясь и прикидывая на глаз вес. Если свиньи за год хорошо раздобрели, лица селян озарялись счастливыми улыбками: значит, к празднику будет вдоволь жира и мяса. Если же скотина оказывалась поджарой, народ начинал тревожиться — мало кому хотелось остаться без сытного куска в Новый год.

К счастью, в этом году свиньи уродились на славу. Дождей летом хватало, сочной травы в полях было вдоволь, так что кормили животных сытно. Пришла пора собирать плоды годового труда. Государственный план по сдаче мяса выполнили сполна: и по весу, и по головам заготовители из коммуны остались довольны. А коли начальство довольно, глядишь, и в деревне останется побольше туш для дележа.

Гоудань помнил один неурожайный год, когда кормов не хватало, и свиньи выросли тощими. Чтобы покрыть норму сдачи по весу, пришлось отдать почти всё поголовье. На всю деревню тогда осталась жалкая половина туши. Считай, сверх плана пришлось везти в коммуну еще полтуши свежего мяса. Как уж там заготовители его везли — дело десятое, но крестьянам тогда перепало лишь по прозрачному ломтику на семью.

Ван Сюань бережно вытопил весь свиной жир, превратив его в белоснежный смалец, и разлил в глиняные горшки. Если беречь такое сокровище от сырости и не ронять туда ничего лишнего, жир может храниться месяцами.

Большую часть шкварок он убрал туда же, под слой жира, а горсть оставил на кухонном столе. Сняв с потолочной балки вяленое мясо, Ван Сюань мелко изрубил его вместе со шкварками — сегодня они собирались лепить сытные пельмени из кукурузной муки.

Ли Сы ел да только вздыхал: больно уж расточительно! На его взгляд, такую роскошь следовало поберечь, отрезая по крошечному кусочку для наваристого бульона с сушеными овощами.

Ребята незаметно повзрослели еще на год. Ван Сюань приучился к домашней работе с малых лет, когда еще пятилетним ребенком жил у дяди. Попав в восьмилетнем возрасте в дом Ли Сы, он взял на себя почти всю готовку. Раньше стряпать из мяса ему не доводилось за неимением оногo, но в этом году они запаслись вяленой свининой, и у юного повара наконец-то появилась возможность разгуляться.

Ловко орудуя ножом, который Гоудань достал из своего пространственного кармана, Ван Сюань нарезал ровные, аккуратные ломтики. В их возрасте аппетит был зверским — парни

могли съесть сколько угодно и все равно оставаться голодными. Ли Сы с замиранием сердца смотрел, как исчезают припасы, со страхом думая, дотянут ли они до весны.

Обычно в деревне каждую крошку берегли, надеясь дотянуть до конца весны или начала лета. А там уж можно было перебиться лебедой, отрубями да черемшой до самого сбора летнего урожая — такой расклад считался большой удачей.

Когда наконец потеплело, Гоудань и Ван Сюань решили отправить благодарственное письмо командиру полка Чэнь Чжэнго. Расспросив почтальона, они наклеили на конверт марку за восемь фэней, аккуратно вывели адрес и опустили письмо в ящик.

Гоудань до сих пор не понимал, с чего вдруг такой важный человек решил ему помочь, но добро следовало помнить. Раз уж не получалось отблагодарить лично, оставалось написать. Мальчишки долго совещались над каждым словом, подбирая нужные иероглифы — чужой помощи просить не хотели. В итоге писать вызвался Гоудань.

Строчки выходили корявыми, точно курица лапой поводила. Гоудань путал упрощенные и традиционные иероглифы, лепил огромные буквы, совершенно не заботясь о правилах оформления. Писал что на ум взбредет, без абзацев, разделяя фразы одними лишь запятыми.

Но для деревенских ребят это было огромным достижением — другие дети в Сикани и двух слов связать не могли.

Страницу вырвали из школьной тетради в желтую клеточку, и буквы то и дело вылезали за края полей.

Кое-где бумага истончилась от частых стираний резинкой: ошибаясь, Гоудань упрямо тер лист и переписывал заново. Ван Сюань, глядя на эти мучения, вздохнул и мягко заметил, что брату не мешало бы подтянуть каллиграфию.

— Ладно тебе, потом научусь, — отмахнулся Гоудань.

Начался новый учебный год. Школа уже давно не вызывала у Гоуданя прежнего восторга. Годы летели один за другим, и вот он уже перешел в пятый класс. Парень порой сам удивлялся собственному долготерпению.

В свои неполные четырнадцать лет Гоудань почти сравнялся ростом со взрослыми мужчинами. Высокий, подтянутый, он больше не казался тем щуплым, угловатым сорванцом. С возрастом улетучилось и детское упрямство: он перестал изводить взрослых каверзами и спорить по любому поводу. Некогда упрямый «лбище» разгладился, черты лица заострились и обрели благородную четкость, словно измятый лист бумаги наконец бережно расправили пальцами.

Перед миром предстал ладный, статный юноша.

Кожа его, правда, оставалась такой же смуглой от загара. Зато Ван Сюань хорошел день ото дня, затмевая своей утонченной красотой любые перемены в облике Гоуданя. Глядя на него, старожилы Сикани лишь качали головами:

— Сразу видно — городская порода.

Ван Сюань уродился краше отца, да и покойная мать его была знатной красавицей. Деревенские ребяташки дурнушками не были, но постоянная работа под палящим солнцем делала их лица серыми и обветренными. На их фоне Ван Сюань выделялся, точно сочный зеленый побег весеннего лука, чистый и ладный — глаз не оторвать.

Впрочем, хоть девчата и заглядывались на красавца, в досужих кумушкиных разговорах Ван Сюаня в женихи никто не прочил. В деревне излишняя смазливость ценилась слабо: красотой сыт не будешь, в котел ее не положишь. К тому же сиротская доля Ван Сюаня пугала потенциальных тещ — кому нужен зять без кола, без двора и без родительской поддержки? Пусть сверстницы и вздыхали по нему украдкой, практичные матери искали парней понадежнее.

Гоудань в этом смысле выглядел куда заманчивее. Да, у него была непутевая сбежавшая мать, зато корни его уходили глубоко в землю Сикани. Никуда он уезжать не собирался, парень надежный, оседлый. Пусть Ли Сы и прослыл бесхитростным недотепой, но он все же был жив-здоров и мог поддержать сына.

Гоудань валялся на животе на кане, пока Ван Сюань методично прощупывал акупунктурные точки на его спине. Гоудань то заливался смехом от щекотки, то вскрикивал от неожиданной боли.

— Да не вертись ты! — ворчал Ван Сюань, прижимая его к постели. — Я помогаю тебе запомнить меридианы. Мне нужно учиться, но и тебе эти знания лишними не будут.

— Да зачем мне эта твоя медицина?

Ван Сюань легонько шлепнул его по спине:

— Как это зачем? Вот полезешь ты завтра с кем-нибудь драться, и что — опять напролом, как бык? Если ударишь слабо — не зауважают. Нанесешь удар в полную силу, да не туда — человека загубишь. Я же тебе показывал, как это работает!

— Ладно, ладно, сдаюсь. Буду учить.

— Я перерисую карту меридианов на чистый лист, подпишу все названия и буду каждый день

тебе растолковывать. Твоя задача — слушать и зубрить.

— Постой, а ты сам-то ничего не напутаешь? — усомнился Гоудань. — В твоих же записях сказано: ошибется рука на волос — жизнь уйдет на версту.

— Я всё по сто раз перепроверил, — успокоил его Ван Сюань. — В рукописи настоятеля есть подробные схемы, но они слишком сложны для тебя, запутаешься сразу. Если где и закрадется крошечная неточность, то пустяковая. Помнишь, кем был старый настоятель? Со временем, когда выберемся отсюда, я все исправлю. А пока и этого хватит для понимания.

Ван Сюань понимал, сколько всего ему еще предстоит постичь. Он пробирался во тьме на ощупь, без наставника. И если смешивать целебные порошки по рецептам выходило легко, то в тонкостях диагностики и врачевания он продвигался черепашью шагом. Да и открываться людям юноша боялся — мало ли какие беды навлечет на себя самозванный лекарь. Единственным его «пациентом» оставался Гоудань, но тот отличался богатырским здоровьем и за последние годы ни разу даже не чихнул.

Проверить свои знания на практике Ван Сюаню было попросту не на ком.

Гоудань перевернулся на бок, подперев голову ладонью:

— А ты сам-то кем хочешь стать? Думаешь поступать в университет, когда вырастешь?

Ван Сюань лишь грустно улыбнулся. Мечтать-то он мечтал, но поступить в вуз в их время казалось делом почти невыполнимым. Пускай они и были первыми учениками в коммунальной начальной школе, но для продолжения учебы в средней и старшей школе требовалось ехать в уездный город. Жить в общежитии, платить за обучение, тратить драгоценное зерно на пропитание... Для их скромного бюджета это была неподъемная ноша.

Оставаясь дома, он мог хотя бы помогать дяде Ли Сы по хозяйству. Тот вырастил его, воспитал, и требовать от него прыгнуть выше головы было бы верхом черной неблагодарности.

— Да ты забыл, что ли? У нас же куча денег скопилась, мы за эти годы почти ничего не тратили, — напомнил Гоудань.

Действительно, тратить сбережения в их глуши было не на что. Без заветных талонов и купонов даже при тугом кошельке ничего не купишь.

Гоудань частенько проворачивал тайные дела: собирал ненужные или просроченные талоны и бегал на автобусную станцию коммуны. Там он обменивал их у пассажиров, едущих в уездный город, на наличные деньги или полезные вещи. Несколько раз он едва не попался дружинникам, но действовал осторожно — первыми сбывал талоны с истекающим сроком годности, а ценные всесоюзные купоны приберегал напоследок. Сбывал порой за бесценок,

понимая, что в его руках они просто превратятся в бесполезную бумагу.

— Деньги на учебу мы найдем, — рассуждал Гоудань. — Проблема в зерне. Нам его просто не продадут в уезде без городской прописки.

Они расспрашивали старших ребят, уехавших учиться в город. Из всей коммунальной школы лишь единицы умудрялись поступить в уездную среднюю школу, да и те семьи едва сводили концы с концами.

— Ничего, прорвемся, — упрямо ответил Ван Сюань.

С тех пор как в прошлом году возобновили государственные экзамены, из их деревни уже уехали двое образованных молодых людей, поступивших в университеты, а еще трое подались в техникумы. Оставшаяся в поселении образованная молодёжь теперь целыми днями либо зубрила учебники, либо искала лазейки, чтобы вернуться в родные края. Работать в поле никто не хотел. Старый староста деревни поначалу рвал и метал, зеленея от злости, но вскоре плюнул на упрямых бездельников. «Пускай делают что хотят, — решил он. — Придет время делить зерно — вычту каждый прогулянный рабочий балл».

Успехи уехавших из поселения молодых людей еще долго смаковали на деревенских посиделках. Люди завидовали, но понимали: их собственной жизни это никак не коснется. Университеты казались крестьянам чем-то запредельным, сказочным. И пусть их собственные ребятишки каждое утро исправно собирали портфели и топали в школу, родители смотрели на это как на баловство. Подрастет малец, вернется в поле, станет зарабатывать трудовни, женится, обзаведется детьми и так же, как деда, закончит свой век на родной земле.

Ли Сы рассуждал точно так же. Ему, конечно, говорили, что Гоудань учится лучше всех, но университет... Нет, о таком он и мечтать не смел. Это ведь надо сначала закончить среднюю школу, потом старшую... Сколько лет жизни коту под хвост!

Заботы у Ли Сы были куда приземленнее и практичнее. Его удручало состояние их старой, покосившейся избы. Сын рос не по дням, а по часам, не успеешь оглянуться — пора засылать сватов. Но какая приличная девушка пойдет в такую нищету? Пусть в прежние годы и славили бедняцкое происхождение, но в реальной жизни невесты и их родители в первую очередь смотрели на достаток. В голодный дом девку никто не отдаст.

Отец и сын жили под одной крышей, но каждый лелеял свой секрет. Ли Сы и ведать не ведал, что у его сына припрятано целое состояние. А Гоудань даже не подозревал, как сильно отец переживает из-за старого дома и мечтает скопить на новую избу, чтобы женить его.

Они молча строили планы на будущее, уверенные, что все идет своим чередом. В Сикани ранняя женитьба была делом привычным, и Ли Сы не видел нужды обсуждать это с подростком. Придет время, он позовет толковую сваху, та присмотрит хорошую, работающую девку из приличной семьи, а дело парня — только в дом молодую жену ввести.

Гоудань же рассуждал иначе: раз уж он лучший ученик в классе, да еще и при деньгах, то продолжать учебу — дело само собой разумеющееся. В своей жизни он давно привык все решать сам, понимая, что простодушный отец в этих делах ничего не смыслит. Вот и помалкивал.

Ему и в голову не приходило, что в глазах отца он уже без пяти минут жених. А Ли Сы даже помыслить не мог, что сын захочет учиться дальше — в их краях все заканчивали начальную школу и сразу шли работать.

Так они и молчали, не делаясь мыслями, уверенные каждый в своей правоте.

Знал обо всем один лишь Ван Сюань.

Ван Сюань привык просчитывать всё наперед. Он понимал, что его собственная мечта о дальнейшей учебе — непозволительная роскошь. Даже если дядя Ли Сы всем сердцем захочет помочь, простому неграмотному крестьянину ни за что не прокормить двух взрослых парней в городе.

Поэтому Ван Сюань принял решение: пускай учится только Гоудань. Сам он уже достаточно окреп, сможет работать в поле наравне со взрослыми и вместе с дядей обеспечивать брата. А по вечерам Гоудань будет делиться с ним полученными знаниями.

Каждый из троих нес в душе свою тайну, и никто не решался начать разговор начистоту.

Перед самым выпуском учеников пятых классов распределили по двум большим кабинетам. Учителя прекрасно понимали, с каким контингентом имеют дело. Хотя школа и считалась центральной коммунальной, большинство детей ходили сюда из окрестных деревень. Учиться они шли поздно, так что к моменту окончания начальной школы многим переваливало за пятнадцать-шестнадцать лет, а некоторым бывало и под восемнадцать. Стоило получить аттестат — и можно сразу справлять свадьбу. Кое-кто бросал учебу ради замужества, даже не дождавшись экзаменов, и в деревне никто их за это не осуждал. Тем не менее учителя честно пытались увлечь детей наукой, ведь в стране вновь заговорили о важности образования, а двери университетов распахнулись для всех желающих.

Педагоги отдавали себе отчет: из шестидесяти человек в классе вступительные испытания сдаст от силы половина. А уж тех, чьи семьи найдут средства отправить ребенка в уездный город, окажется и того меньше. До выпуска из средней школы дотянут единицы. Но даже неоконченное среднее образование в деревне считалось огромным достижением — с ним парень уже слыл грамотеем. Учителя вызывали к себе способных учеников, уговаривая их приложить все силы, чтобы сдать экзамены и поступить в уездную среднюю школу.

Когда на беседу позвали Гоуданя и Ван Сюаня, последний лишь скромно помалкивал, зато Гоудань с порога уверенно заявил:

— Конечно, мы будем учиться дальше!

Если говорить начистоту, на этих двоих учителя надеялись меньше всего — разговор с ними затеяли лишь ради приличия, ведь ребята делили первое место по успеваемости во всей школе. Все знали, в какой нищете они живут: один несчастный отец тащит на себе весь дом. Но непреклонный, звонкий голос Гоуданя мигом развеял все сомнения.

Классный руководитель, собиравшийся было сочувственно вздохнуть и подбодрить ребят перед неизбежным возвращением в поле, растерянно моргнул и кашлянул:

— Что ж... Раз так, приложите все усилия. Поменьше бегайте на улице, побольше занимайтесь.

А что еще оставалось делать? Парень так твердо отрезал все пути к отступлению, что спорить было бесполезно.

«Бедный ребенок, видно, совсем не понимает, в каком положении его семья, — сокрушенно думал учитель. — Вот сдаст экзамены, а отец руками разведет — мол, денег нет. Сколько слез тогда прольется!»

Молодой учитель, всего два года назад пришедший в школу и успевший стать классным руководителем одного из выпускных классов, утер со лба воображаемый пот и отпустил ребят обратно за парты.

Выйдя в коридор, Гоудань шепотом спросил друга:

— Что это с учителем? Говорил еле-еле, будто у него последние силы отобрали.

— Разморило, наверное. Жара ведь какая стоит, — отозвался Ван Сюань.

— И то верно. — Гоудань понимающе кивнул. — Может, угостить его твоими освежающими пилюлями? Несладко ему приходится с нами.

— В следующий раз дам.

— А с тобой-то что? Тоже перегрелся? — Гоудань заметил, что Ван Сюань идет понуриив голову.

— Да, вроде того...

Гоудань лишь удивленно хмыкнул. Он не привык копаться в чужих чувствах: они с Ван Сюанем столько лет прожили бок о бок, что он привык считать их мысли единым целым. К тому же эгоистичный и напористый характер Гоуданя частенько мешал ему замечать переживания

близких.

Выпускные экзамены за пятый класс разительно отличались от привычных годовых контрольных. Помимо двух классов Центральной начальной школы, в испытаниях должны были участвовать ученики из начальных школ крупных окрестных деревень. В самой Сикани своей школы не было, поэтому местная детвора с малых лет ходила грызть гранит науки в коммуну.

Ребята же из тех сел, где имелись собственные начальные классы, в день экзамена должны были спозаранку прибыть на единый пункт сдачи. Каждому выдали личный пропуск с номером. Чтобы исключить шпаргалки и подсказки, привычный порядок нарушили: учеников из разных деревень перемешали и распределили по чужим кабинетам согласно номерам в пропусках.

Всё это было в диковинку — прежде им так сдавать экзамены не приходилось. Младшие классы в этот день освободили от уроков, предоставив кабинеты под экзаменационные аудитории. Места хватило всем с лихвой.

— Надо же, сколько народу выпускается! — удивленно шепнул Гоудань, оглядывая бурлящую толпу во дворе. — Я думал, нас тут раз-два и обчелся, а вон сколько ребят из других деревень понаехало.

— В некоторых деревнях едва наскребают один класс, — отозвался Ван Сюань. — Зато в дальних производственных бригадах выпускников пруд пруди, там по два класса набирается, хоть и не таких больших, как у нас.

И то верно. Центральная начальная школа принимала не только поселковых ребят с городской пропиской, но и детвору из ближайших хуторов, где не было своего обучения. Коммуна была сердцем этого края, связывая проселочные дороги с главной уездной трассой, отчего и стала главным очагом просвещения для всей округи.

<http://bllate.org/book/19654/1996726>